ОУЭН ЭББОТ

В КЛЕТКЕ СОЗНАНИЯ

Оуэн Эббот

ВСТУПЛЕНИЕ

Зажигалка звонко щёлкнула, на пару секунд осветив тёмную комнату тусклым дребезжащим светом. В старой Zippo, подаренной коллегами по работе, явно заканчивался бензин. Пора было бы уже наконец её заправить.

Он прикурил сигарету, затянулся и почувствовал резкий привкус железа, который возник из-за того, что сигаретный фильтр обильно пропитался кровью, которой были покрыты все его руки. Вкупе с тяжёлым и угнетающим воздухом, который наполнял комнату, сигаретный дым сковывал лёгкие словно в тиски, не давая вздохнуть полной грудью.

Её тело лежало прямо перед *ним* в довольно неестественной позе - такой, что даже в полной темноте можно было с уверенностью сказать, что *она* отнюдь не спит. А торчащий из её шеи окровавленный нож только подтверждал эти догадки. Тишина в квартире была такая, что в ушах стоял звон. Наверное, именно такую тишину люди обычно и называют «*мертвецкой*». Безумно хотелось включить фоном хоть какую-то музыку, но нет, *он* не мог себе позволить так по-дилетантски привлечь внимание кого бы то ни было.

Слежка за *ней* осуществлялась уже довольно продолжительное время, поэтому *он* успел выучить не только все маршруты *её* передвижения, но также и то, с кем, в какое время *она* встречается, в какие магазины ходит, какое вино предпочитает, какая песня звучит сигналом будильника на телефоне, кто любимый персонаж очередного низкопробного сериала про врачей, в какие моменты остаётся абсолютно одна.

Но почему именно *она*? На этот вопрос у него не было какого-то определённого ответа. Да и сам *он*, наверное, просто пожал бы плечами, если вдруг этот вопрос задали бы ему напрямую. Никакого акцента на телосложении, вероисповедании, цвете кожи или политических взглядах. Это как дьявольская лотерея – *она* просто оказалась первой, кто попался на глаза в этот вечер. Абсолютно случайная жертва, на её месте могла быть любая, окажись она не в то время, не в том месте.

Он сохранял полное хладнокровие после всего произошедшего, несмотря на то что это было *его* первое преступление. Раньше *он* никогда не нарушал закон. Да что там, *он* даже дорогу всегда переходил только в положенных местах и на зелёный сигнал светофора. Никаких превышений скорости, никаких штрафов за парковку, никаких жалоб со стороны соседей, никаких просрочек по уплате налогов; идеальный законопослушный гражданин. Более того: *он* уже довольно долгое время являлся сотрудником правоохранительных органов. Целых десять лет отдать службе в пенитенциарной системе одного из западных штатов, нелёгкий путь с самых низов службы и сотни, если не тысячи, перечитанных личных дел различных психопатов, приговорённых к электрическому стулу, от которых у простого гражданского кровь бы застыла в жилах, а на голове появилась пара-тройка седых волос. Наверное, всё это в совокупности и оставило на его и без того нестабильной психике неизгладимый отпечаток.

Ещё бы, если практически каждый день сталкиваться с насилием и иметь дело с разномастными маньяками, убийцами и психопатами, то волей-неволей со временем и у самого начнёт потихоньку «*съезжать крыша*», чёрное начнёт казаться белым, белое - чёрным, а во всей этой бесконечной жестокости даже появится свой особый романтизм, непонятный обычным людям.

Имея доступ к почти безграничной библиотеке личных дел всевозможных преступников, *он*, как ему казалось, изучил каждое из них вдоль и поперёк, выделив для себя все промахи и ошибки, из-за которых эти недоумки и попались в лапы правосудия. Кто-то забывал стереть отпечатки пальцев, кто-то оставлял в живых свидетелей, а отдельные индивиды и вовсе приходили с повинной спустя какое-то время, не выдерживая угрызений совести (*Ха! Слабаки*). Однако, все спланированные *им* шаги были предприняты исключительно для того, чтобы совершить убийство и выйти сухим из воды. А многолетний опыт мог этому только поспособствовать.

Были учтены самые мельчайшие детали, даже такие, как наиглупейшая привычка *её* соседей заказывать китайскую еду на дом буквально за полчаса до закрытия ресторана, из-за которой *он* смог бы случайно пересечься на лестничной клетке с курьером.

Заблаговременно пришлось даже дать полицейским наводку на местного бродягу, который постоянно ошивался возле *её* дома, ведь именно такие маргинальные личности обычно и становились самыми ценными свидетелями, переворачивающими ход расследования с ног на голову. Хотя, чаще это были просто больные и психически нездоровые люди, пытающиеся привлечь к себе внимание.

Поэтому в данный момент, сидя перед окровавленным телом, *он* чувствовал себя практически неуязвимым. Судья, присяжный, прокурор и палач в одном лице, а в адвокате жертве было отказано единогласным и безапелляционным решением.

Продолжая смотреть на лежащее перед ним тело, *он* подсознательно понимал, что это всего лишь начало. Так сказать, «*проба пера*» перед чем-то большим. И именно ей «*посчастливилось*» стать его первой. Первая жертва – она, как первая любовь, навсегда останется в памяти. Её просто невозможно забыть, как бы ты не старался. А все, кто будут после неё – это уже просто «*остальные*». И кто только придумал все эти байки про то, что первый блин - комом?

Откинувшись в кресле, *он* сделал последнюю глубокую затяжку догорающей сигареты, задержал дыхание и закрыл глаза, представляя, что ожидает его впереди…

Он уже представлял, как завтра в криминальной сводке появится новость о его идеально спланированном и совершенно безнаказанном преступлении, а он всего лишь улыбнется с досадой, что никто никогда не узнает, насколько же он гениален, как в ту же секунду зрачки его глаз резко расширились, а остекленевший взгляд, словно под гипнозом, оказался прикован к тусклому и едва заметному красному огоньку, медленно моргающему под потолком в дальнем углу комнаты. Тлеющий окурок выпал изо рта прямо на ногу и насквозь пропалил штанину старых потрёпанных брюк, но нарастающий ужас попросту заглушил боль от ожога.

Чёрт возьми, камера!

Он даже не успел опомниться, как в то же мгновение раздался хруст выламывающейся двери, который в этой «*мертвецкой*» тишине казался просто оглушительным, а яркие лучи от фонариков забегали по стенам:

— Полиция! Всем оставаться на своих местах!

ГЛАВА 1.

— Эй, Мерсер! Поднимай свою тощую задницу, пора сваливать домой, — голос Клиффа ворвался в вязкую тишину, как шрапнель, взрывая в сознании Мерсера тягучие обрывки сна. Резкий, словно выстрел, голос сотряс тюремный блок, отозвавшись гулом в пустых коридорах. Мерсер с трудом осознал, что задремал, голова слегка покачивалась, как будто он ещё был в том туманном месте между сном и явью.

Часы на его запястье показывали 18:05. В голове медленно прояснялось. Никогда, чёрт возьми, не позволял себе расслабиться настолько, чтобы заснуть на рабочем месте. Но сегодня было исключение — может, слишком многое навалилось, может, дежурство оказалось изматывающим. Он бросил взгляд на детские часы на стене с мерзкими мультяшными рожами цветастых пони и язвительной надписью «The Happiest Place on Earth», будто издевка в этом месте. Шесть вечера. Как всегда, он выставил свои часы на пять минут вперёд, паранойя опоздать не отпускала его с детства, как железный капкан.

— Я знаю, ты меня слышишь, спящая красавица, — Клифф уже был прямо за его спиной, его низкий бас пробрался в уши и разбудил резкий спазм в сердце. Этот гигант всегда появлялся неожиданно, как внезапный шторм, и Даниэль, хоть и привык к его манере, всё равно вздрогнул.

— Чёрт возьми, Клифф, колокольчик бы тебе носить, — пробурчал он, потягиваясь. Тело словно сопротивлялось, мышцы ныли, как после долгого сна.

Клифф стоял, опираясь на косяк, глядя сверху вниз с ленивой усмешкой. Он выглядел, как изваяние: два метра каменных мускулов, бритая голова поблёскивала под искусственным светом, а густая борода, казалось, могла скрыть целую семью воробьёв. Его рубашка была на грани того, чтобы треснуть по швам, но, как ни странно, держалась.

Каждый раз, глядя на Клиффа, Даниэль чувствовал себя мелким и слабым. Вроде бы проводил часы в спортзале, но в сравнении с этим колоссом, он оставался всего лишь тенью. Внутри раздавался шепот: *«Смотри, какой он, и какой ты»*.

— Я же просил не называть меня так, — проворчал Клифф, снимая свои тёмные очки-авиаторы и сверля Мерсера холодным, но странно знакомым взглядом, который был смесью раздражения и скрытого юмора. — Меня это бесит.

— Ладно, ладно, Клиффорд, — Даниэль едва не зевнул в ответ. — Не будем ранить ваши нежные чувства. Так, сколько я спал?

— Минут двадцать, — Клифф прищурился, будто считал это время в голове. — Ты вырубился на середине моего рассказа про «Бегущего в темноте». Я подумал, не буду тебя будить, вдруг прошлая ночь у тебя выдалась… ну, ты понимаешь. Нашёл, наконец, подружку?

— Хотел бы сказать, что да, но увы, — Мерсер попытался сделать голос легким, но в нём проступила горечь. — Я слишком разборчив. Член-то не на свалке нашёл, знаешь ли.

Клифф закатил глаза, но его взгляд был мягким, как у старшего брата, который слишком многое понимает, но не говорит вслух.

— Ну вот, снова началось, — пробурчал он. — Ладно, хватит болтать. Пора домой, верно? Ты же помнишь, что обещал подбросить меня сегодня? — Клифф уже говорил с серьёзностью, которая редко в нём проявлялась.

Конечно, он забыл. Чёрт побери, вылетело из головы. Память — это дьявольская вещь, она всегда играет злую шутку, когда меньше всего этого ждёшь.

— Разумеется, помню, — Мерсер заставил себя улыбнуться, хотя внутри всё кипело.

Тюрьма Грин-Ривер возвышалась на холме за городом, массивное и мрачное здание, словно нарочно отстранённое от всего живого. Её серые стены, покрытые мхом и трещинами, казались застывшей в вечности угрюмой глыбой, которая видела слишком много горя и гнева. За ржавой решёткой ворот тянулась дорога, окружённая зарослями колючих кустарников, где ни птицы, ни зверьё не осмеливались появляться. Сторожевые вышки по периметру

поднимались, как окаменевшие стражи, и в их глазницах–окнах непрерывно горел тусклый свет, высматривающий чужаков и пленников с одинаковым безразличием.

Внутри царил постоянный приторный запах старой краски, смешанный с затхлостью и потом, пропитавший стены и коридоры, словно сама тюрьма впитывала весь негатив своих обитателей. Каждый уголок, от бетонного пола до железных дверей камер, будто бы шептал о прошлом и в то же время обещал бесконечно тянуться в будущее. Грин-Ривер была миром, отрезанным от всех других миров, огромным и неукротимым механизмом, который существовал ради одной цели — держать внутри тех, кого общество признало нежеланными.

Выход из тюрьмы всегда казался Мерсеру чем-то ритуальным, напоминал отхождение от алтаря после службы. Контрольно-пропускной пункт, с его зловещим металлическим скелетом рамки, будто втягивал его магнитом. Каждая смена заканчивалась одинаково — надо пройти через это устройство, сканирующее не только металл, но и душу. Персонал, посетители, доставщики — все, кто пересекал этот порог, обязаны были подчиняться правилам. Ни одной пилочки для ногтей, ни одного проклятого мобильного телефона — ни грамма вольности в этом месте. Если бы хоть что-то такое нашли, скандал затопил бы весь штат, а уж шептаться начали бы и за его пределами.

Но вот на выходе… Никому не было дела до писка металлодетектора. Что ты вынесешь из этого места, кроме раздирающей усталости и ощущения липкого страха, впитавшегося в кожу?

Фрэнк Гейт, старый как сами тюремные стены, сидел на своём посту у пропускной. Он едва поднял голову, когда они подходили — его давно натренированные пальцы машинально ощупали их документы и телефоны. Фрэнк знал всё наперёд, с закрытыми глазами мог выдать их вещи, которые они сдавали при входе. Он лишь буркнул через тусклое пуленепробиваемое стекло:

— До новых встреч, парни.

— Бывай, старик, — сказал Мерсер, выдав нечто похожее на улыбку, которая была столь же фальшивой, как его бодрое настроение. *«Вот бы мне так — сутки через трое»,* — с завистью подумал он,

оглядываясь на свою пятидневку с ночными сменами, которые медленно, но, верно, забирали его энергию.

Громкий щелчок замка известил о том, что внешняя дверь отпирается. Железные створки тяжело распахнулись, и их выпустили в вечернюю духоту. Солнце било прямо в глаза, его последний свет, словно кинжалы, проникал сквозь ресницы, и Мерсер, зажмурившись, поднял руку, чтобы прикрыться.

— Говорил тебе, купи очки, — Клифф насмешливо щурился сквозь свои вечные авиаторы, которые придавали ему ещё более непроницаемый вид. — Но нет, ты у нас самый умный.

— Ха-ха, — буркнул Мерсер, совершенно не чувствуя и тени веселья. Он выудил ключи из кармана и бросил их Клиффу. — Иди, открой машину. Пусть там немного проветрится, наверняка печка ещё та.

Клифф, щёлкнув каблуками с нарочитой торжественностью, отдал честь и, ухмыляясь, направился к старому «Фольксвагену» Мерсера. Машина была древней развалиной, которая давно просилась на свалку. В салоне всегда стояла невыносимая жара — кондиционер, видимо, уже давно приказал долго жить, если вообще когда-то существовал.

Мерсер вытащил из кармана пачку «Лаки Страйка». Последняя сигарета. Он знал, что рано или поздно это его прикончит, но по-другому он уже не мог. Курил с шестнадцати лет, и, кажется, будет курить до самого конца, когда лёгкие окончательно сдадут. Он затянулся, и едкий дым заполнил его лёгкие, обжигая горло, словно тюремный воздух, пропитанный затхлостью и испарениями страха. Десять лет. Всего десять лет на этой работе, но казалось, что он сидит здесь столько же, сколько Фрэнк Гейт, если не больше.

— Карета подана! — Клифф с силой хлопнул его по плечу, и Мерсер невольно дёрнулся. Сигарета выпала из пальцев, закрутилась в воздухе и шлёпнулась в пыль.

— Брэндон, твою мать! — Мерсер стиснул зубы, глядя на сигарету, которая теперь лежала на асфальте, с едва тлеющим огоньком.

— Мамочку-то в это не вмешивай, — невозмутимо проворчал Клифф, обойдя машину и прищурившись на солнце. — Машина уже остыла, пошли.

Мерсер бросил последний взгляд на злополучную сигарету, чуть дымящуюся в пыли. Он затушил её ботинком, чувствуя, как раздражение растёт. Последнее, что ему сейчас нужно, — это устроить чёртов пожар под носом начальства.

Дорога домой в тот вечер оказалась удивительно спокойной. Для пятничного вечера, обычно пестрящего машинами и нетерпеливыми водителями, улицы были неожиданно пусты. Мерсер наслаждался этой редкой тишиной, почти нереальной для города. Окна его старого «Фольксвагена» были опущены, пропуская свежий вечерний воздух, и он ощущал, как легкий ветерок освежает его лицо.

— Ну что, какие планы на выходные? — Клифф нарушил молчание, своим громким голосом разрывая обволакивающую тишину.

— Я об этом ещё не думал, — Мерсер взглянул вперёд, лениво наблюдая за дорогой. — Наверное, как всегда, посижу за приставкой или посмотрю сериал.

— Серьёзно? — Клифф ухмыльнулся. — Чувак, тебе уже за тридцать, а ты до сих пор в игрушки играешь?

— Не начинай, — огрызнулся Мерсер, чувствуя, как раздражение поднимается в груди. — Это не просто игрушки. Игры давно стали чем-то большим, чем развлечение. Это искусство, как кино или книги. Только здесь ты управляешь всем, а не просто наблюдаешь.

— Ох, философ, — Клифф махнул рукой, поднимая брови. — Просто признай, что тебе нечем заняться.

Он усмехнулся, и его белоснежные зубы резко контрастировали с тёмной кожей. Мерсер фыркнул в ответ, понимая, что его друг частично прав. В его жизни действительно не хватало разнообразия, и это его не радовало.

— Ладно, оставим мою философию, — с лёгкой усмешкой бросил Мерсер. — А у тебя что за планы?

— Надо дом в порядок привести. Завтра мама приезжает из Балтимора, — Клифф вздохнул, слегка раздражённо. — Ты же знаешь,

как она не выносит беспорядка. Мой армейский сержант в сравнении с ней был как свинья.

Мерсер рассмеялся, но быстро осёкся, поймав на себе суровый взгляд Клиффа. Взгляд был такой, что любые слова теряли смысл — Клифф умел подавлять только взглядом.

— Прости, прости, но это было весело! — Мерсер всё же не сдержался, вспоминая, как Клиффа отчитывали за рассыпанные носки. — Слушай, давай остановимся ненадолго на заправке, мне нужно сигарет купить.

— Как будто у меня есть выбор, — пробурчал Клифф, откинувшись в кресло и повернув голову к окну.

Заправка была их привычной точкой на маршруте. Сэт, старый кассир, давно знал Мерсера в лицо. Люди в форме здесь не вызывали подозрений — им доверяли, считали «своими».

— Привет, Сэт! Как жизнь? — Мерсер подошел к кассе, кивая знакомому лицу.

— Жизнь... Какая тут жизнь? — Сэт едва поднял голову, тяжело вздохнув. — Все разбежались, жалуются, что зарплата низкая.

Сэт выглядел ещё старше, чем обычно: мешки под глазами, будто он не спал неделями.

— Как всегда? — он машинально потянулся к полке за сигаретами.

— Да, будь любезен, — Мерсер выложил деньги на прилавок. — Когда уже терминал поставишь? Я устал носить наличку ради тебя.

Сэт хмыкнул, выкладывая сигареты на прилавок.

— Оставь сдачу себе, старик, — Мерсер махнул рукой.

— О, ваша щедрость, мсье, — Сэт чуть не поклонился с сарказмом. — Есть ещё надежда для вашего поколения.

Мерсер улыбнулся краем губ, распечатал пачку и закурил, выходя на улицу. Он прислонился к стене заправки, наблюдая, как Клифф переключает треки в машине, недовольно ворча. И вдруг среди тяжёлого рока прорвался Айс Кьюб. Клифф тут же улыбнулся, как ребёнок, нашедший игрушку, и стал раскачиваться в такт.

Мерсер с каждой затяжкой чувствовал, как напряжение постепенно отпускает. Курить в закрытом пространстве он терпеть не мог — никотин в машине или в доме въедался в вещи, а запах от этого потом не отмыть.

Когда сигарета догорела, он щелчком отправил окурок в мусорное ведро и вернулся к машине. Клифф уже качал головой под «It Was a Good Day», его настроение явно улучшилось.

— И правда был хороший день, да? — задумчиво бросил Мерсер, садясь за руль.

— Увидим, — отозвался Клифф, всё ещё напевая под музыку.

ГЛАВА 2.

— До понедельника. Удачи с наведением порядка, — сказал Мерсер, посмотрев на Клиффа.

— Спасибо, пригодится, — Клиффорд улыбнулся, захлопнул дверь машины и, поправив очки, медленно направился к своему дому, перекинув сумку через плечо.

Мерсер воткнул первую передачу и медленно отъехал от тротуара. Теперь, когда он был один, можно было сделать музыку погромче. Он всегда был фанатом тяжёлой музыки, но никогда не навязывал свои вкусы другим, стараясь не смущать пассажиров, не всем по душе был грубый вокал и агрессивные рифы.

Кузен научил его любить тяжёлую музыку — настоящий подарок в детстве, когда мир только открывается, словно первая страница потрёпанного, но захватывающего романа. Вместе они слушали титанов металла, таких как Iron Maiden и Black Sabbath, и каждый рифф грохотал в их головах, словно пульсация вулкана перед извержением. Но всё изменилось, когда кузен получил права и купил свой первый автомобиль. Вместо привычных гитарных соло из динамиков его новенького «Доджа» полилась гладкая, приторная электроника — музыка, от которой, казалось, начинали прилипать пальцы, как от сладкой газировки, разлитой на сиденье. Ему казалось, что кузен продал душу — не за золото, а за дешёвый шанс привлечь девушек, у которых интерес к музыке заканчивался там, где заканчивались танцевальные ритмы.

Для Мерсера это было не просто разочарованием, а настоящим предательством. Он почувствовал, как между ними пролегла трещина, превращаясь в бездонную пропасть. В тот момент он дал себе клятву: никогда не изменять своей музыке. Если когда-нибудь у него появится своя машина, из её колонок будут звучать только грохот барабанов, свист электрогитар и голос, надрывный, как вой ветра в пустыне.

И он сдержал слово. Вот уже четырнадцать лет, открывая дверь своего поцарапанного, но верного «Фольцвагена», он нажимал на кнопку магнитолы и погружался в мир, где Metallica разрывала воздух, а AC/DC поднимала его настроение выше, чем могла любая доза кофеина. Этот ритуал был для него чем-то вроде обета верности самому себе.

Особенно его грела мысль, что его девушка тоже любила тяжёлую музыку. Ну… бывшая девушка. Уже полгода, как они расстались. Мерсер всё ещё пытался привыкнуть к этому новому статусу. Когда они были вместе, он всегда гордился тем, как её глаза загорались при первых аккордах какой-нибудь песни, которую она угадывала с двух нот. Музыка связывала их, но, как оказалось, музыка не могла склеить всё остальное.

Ссора, которая положила конец их отношениям, не была чем-то простым, вроде спора о разбросанных носках или грязной посуде в раковине. Это была глубокая, болезненная рана. Неудачная попытка вскрыть гнойник, скрытый под кожей их жизни. Она говорила, что работа в тюрьме его меняет, причём не в лучшую сторону. «Ты становишься другим человеком», — сказала она однажды, её голос был тихим, но от этого не менее острым. «Я больше не вижу в тебе того, кого полюбила».

Он пытался отмахнуться от её слов, как от надоедливой мухи, но эти фразы въедались в его разум, словно кислота, разъедающая металл. Она была права. Тюрьма действительно меняла его, медленно, но неумолимо. Каждый день он смотрел в глаза людям, у которых не осталось ничего человеческого. Людям, для которых убийство было так же обыденно, как утренний кофе. Он считал, что может выдержать это. Что его хватит на всю эту тьму. Но, возможно, он переоценил себя.

В её глазах он стал чужим, и эта мысль жгла его изнутри. Неужели всё это время он оправдывал свою деградацию, называя это профессиональной необходимостью? «Ты не можешь оставаться прежним, видя то, что вижу я», — ответил он ей тогда. Его голос звучал уверенно, но внутри уже росли сомнения. А может, он никогда не был другим? Может, работа просто обнажила ту часть его, которую он прятал даже от самого себя?

Он представил её лицо — лицо женщины, которая всегда замечала всё то, чего он предпочитал не видеть. Её наблюдения были точны, как движения хирурга, который скальпелем вскрывает самые чувствительные места.

Сейчас он сидел за рулём своей машины. Тёмный город медленно оживал вокруг него, но он не замечал мелькания уличных фонарей за окном. В руках был телефон, экран подсвечивал его лицо, словно прожектор. Ему хотелось набрать её номер. Одно короткое «прости», одно простое «давай начнём сначала» — и, возможно, всё наладится.

Но его пальцы застопорились над кнопкой вызова. Это был бы не честный разговор, а очередная попытка заделать трещины в уже разрушающемся фундаменте. Он знал, что без изменений с его стороны никакие слова не смогут вернуть её.

Он опустил телефон на пассажирское сиденье и долго смотрел вперёд, будто в ночной мгле мог увидеть ответы на свои вопросы. Работа в тюрьме превратила его в свидетеля самых тёмных сторон человечества. Но сейчас он боялся, что и сам начал становиться частью этой тьмы.

Мерсер включил двигатель, и машина рванула вперёд. В колонках заиграли первые аккорды песни Deftones, но впервые за долгое время он даже не обратил на это внимания.

Он стал закрывать стекло, но в этот момент что-то внутри затормозило его: как будто даже воздух подкинул в лицо тяжёлую горечь. Он почувствовал, как неуютно сидит в этой машине — тюрьма в его голове была не менее плотной, чем та, где он работал. Мерсер был уставшим, но не от физической работы, а от внутреннего напряжения, которое с каждым днём становилось всё более невыносимым.

Скользя по улицам, он заметил, что город, которого обычно так не хватает, вдруг показался пустым и безжизненным, как бы отрицающим всё, что происходило в его душе. Это странное одиночество, которое он ощущал, теперь стало его единственным спутником. В его жизни не было места для лёгкости, не было места для того, чтобы просто быть собой.

Когда он подъехал к своему дому, солнце уже окончательно скрылось за горизонтом. Мерсер заглушил двигатель и остался сидеть в тишине. Звук мотора затих, но гудение мыслей продолжалось.

Он сидел в машине, погружённый в свои мысли, наблюдая, как день медленно уступает место ночи. Тёплый воздух вечера сменился прохладой, а с наступлением сумерек улица казалась ещё более безмолвной, чем обычно. Он заглушил двигатель, но в ушах всё ещё звучали агрессивные рифы и рваный вокал Чино Морено. Только теперь, когда мотор стих, наступила полная тишина — тишина, от которой, казалось, некуда было деться. Стараясь избавиться от тяжёлых мыслей, он открыл дверь машины и вышел на улицу. Воздух был свеж, и лёгкий ветерок тронул его волосы, но даже это не смогло полностью убрать гнетущее чувство внутри.

Мерсер вошёл в дом, включил свет и на мгновение остановился в прихожей, оглядывая пустое пространство. Тишина в доме встретила его с полным равнодушием. Он уже был знаком с этим чувством. Пустые комнаты, будто сами по себе были готовы к собственной тирании. Жизнь в одиночестве имела свои плюсы, но сейчас тишина казалась ему невыносимой. Он прошёл в гостиную и бросил ключи на журнальный столик. Затем сел на диван, не включая телевизор, и просто уставился в окно. Вечер за окном был почти такой же густой, как та темнота, что клубилась у него внутри.

Возможно, выходные помогут ему подумать, найти нужные слова, или, по крайней мере, понять, как сделать первый шаг к изменениям. Но никакие мысли не могли вернуть ему утраченный баланс, не могли рассеять этот мрак, который, как он понял, теперь всегда будет с ним.

Словно по привычке, Мерсер сразу же потянулся к вороту рубашки. Это был не просто жест усталости — за день форма пропитывалась духом тюрьмы, как будто сам воздух в этих стенах был отравлен гниением. Запах не только оставался на одежде, но и пронизывал его самого, цепляясь за кожу и мышцы, словно липкий туман, который невозможно смыть. Вот почему, едва переступив порог, он первым делом сбросил рубашку, майку и брюки, словно пытался сбросить с себя весь прошедший день, как змея сбрасывает старую кожу. Всё это полетело в стиральную машинку. Главное — не

забыть включить её до конца выходных. В прошлый раз вонючие вороха одежды лежали там до понедельника, напоминав о себе кислым запахом.

Но одежда была только полдела. Этот запах... Он въедался в поры, будто оставлял невидимую пленку на костях. И как ни пытайся, его нельзя было просто смыть — нужно было почти до блеска оттирать, словно это был не пот, а что-то большее, пропитавшее его сущность.

Холодильник мирно гудел, а ящик с «Будвайзером» выглядел, как небольшой свет в конце тоннеля. Несколько бутылок — вот и всё, что нужно для того, чтобы приглушить звуки дня, залечить нервные уколы, и, наконец, уснуть. Не напиться, нет, Даниэль не был тем, кто позволил бы себе скатиться так низко. Пара-тройка бутылок — «сонная доза», как он это называл. Достаточно, чтобы тьма на мгновение стала чуть мягче, и ночь прошла без кошмаров.

Он уже знал, о чем будут эти кошмары, если они придут. Эта сучка Эдвардс. Всего несколько месяцев назад её назначили начальником его отдела, и с тех пор Даниэль жил, как на минном поле. Её цель была ясна: выжить его с места, чтобы пристроить сюда свою кузину. Это была не просто крысиная интрига. За ней стояли не только начальник тюрьмы, но и шишки из центрального бюро. Даниэль не мог забыть, как её вечно придушенный голос звучал на каждом совещании, словно яд, просачивающийся через узкие щели системы. И каким бы тяжёлым ни был день, каждый раз его мозг возвращался к одному вопросу: как далеко зайдет эта игра? В бухгалтерии ей было тесно, а здесь, в тюрьме, были не просто цифры на бумаге — живые деньги, связи, власть. *«Интересно, что она делала, чтобы получить эту работу? И сколько мужчин она обвела вокруг пальца?»* — думал он, чувствуя, как в нём нарастает тёмное раздражение. Но это были не его мысли. Это были мысли тюрьмы, которые отравляли и его.

Даниэль знал: рано или поздно, карма настигнет её. Никто ещё не уходил без последствий.

Мерсер опустился на диван, словно весь мир давил на его плечи. Он запустил PlayStation, но, стоило экрану вспыхнуть ярким голубым светом, как желание играть испарилось, оставив после себя пустоту. Пальцы всё ещё сжимали контроллер, но этот простой жест вдруг

показался невыносимо тяжёлым. Его тело словно отказывалось подчиняться, и он, чертыхнувшись, швырнул джойстик на край дивана. Даже управление виртуальными персонажами казалось теперь трудом титаническим, почти героическим.

Телевизор стал единственным утешением. Пусть он бубнит, пока сознание не сдастся, уступая сну. Мерсер переключил каналы, пока не наткнулся на старый ситком. Смех закадровой аудитории был как шум далёкой грозы — раздражал, но, в то же время, наводил странное, глухое умиротворение.

Перед тем как провалиться в эту вязкую дремоту, он быстро ответил на сообщение Лоис Финч, старательной кадровички из Грин-Ривер, которая каким-то чудом ещё верила в дисциплину и порядок.

«Даниэль, тебя в тир записывать на понедельник или среду?»

Он долго смотрел на экран, не сразу находя силы шевельнуть пальцем. В итоге сухо набрал:

«Понедельник».

Телефон с мягким стуком упал на кофейный столик. Три пустые бутылки из-под «Будвайзера» стояли рядом, отражая в своих тёмных стеклянных боках тусклый свет телевизора. Это было похоже на какой-то странный ритуал — Мерсер снова и снова пытался утонуть в этом незамысловатом наборе: шумный ситком, алкоголь, пустота.

Тусклый свет экрана заливал комнату призрачными бликами, изредка заставляя темноту оживать на стенах, как если бы там прятались чьи-то незримые тени. Голоса из телевизора звучали всё дальше, превращаясь в абстрактный фон. Смех из динамиков был фальшивым, искусственным — словно кто-то поставил его на повтор.

Мерсер лежал на диване, но его разум не отдыхал. В голове крутились обрывки прошедшего дня. Тюрьма. Её холодные, серые стены, пропитанные тоской и гнилью человеческих судеб. Она не просто окружала его каждый день, она просачивалась в его сознание, в его сны, в самую суть его существа. Как будто яд. Медленный, но беспощадный. Маньяки, убийцы, лица тех, кто однажды свернул не туда. Они смотрели на него, но не глазами, а через дела, через отчёты, через короткие сухие строки их историй. Мерсер изучал их с пугающим вниманием, как будто пытался разгадать код.

Каждый раз, перечитывая очередное досье, он замечал странную закономерность: осуждённые будто оставляли за собой подсказки. Ошибки, из-за которых их поймали. Мелкие, почти незначительные, но смертельные. Эти ошибки были своего рода подсказками, который он запоминал против своей воли.

Мысли о Лоис Финч внезапно всплыли в его сознании, как луч света в полной темноте. Она всегда улыбалась. Каким-то невероятным образом ей удавалось сохранять спокойствие и порядок там, где другие теряли себя. Лоис не была похожа на Эдвардс, которая будто наслаждалась давлением, разрушая тех, кто её окружал. Лоис могла быть… спасением.

«Зачем она работает там, где души гниют быстрее, чем тела?» — думал он, прежде чем сам себе ответил: таких людей, как она, нужно больше. Если Эдвардс — это яд, то Лоис была чем-то вроде противоядия. Но этого противоядия хватало только на тех, кто находился рядом с ней.

Мерсер поморщился. Мысли потекли в опасную сторону. Они снова вернулись к Эдвардс. Её голос, её сарказм, её давление. Она вытягивала из него силы, словно вампир. Иногда он думал, что она получала удовольствие, наблюдая, как люди ломаются. Эта мысль не давала ему покоя.

А что, если изменить ситуацию? Он почувствовал, как в груди что-то шевельнулось, будто кто-то прошептал это прямо ему на ухо: *«Сделай что-нибудь. Она больше не будет твоей проблемой».*

Мысль была мерзкой, липкой, как масло на пальцах, но от неё сложно было избавиться. Она не уходила. Она сидела в нём, затаив дыхание. Тюрьма словно жила в нём теперь, шептала ему советы, которые нельзя было повторять вслух.

— Нет, нет, нет, — пробормотал он едва слышно, силясь удержаться.

Но эта маленькая, чернильная капля уже проникла в его разум. Она не исчезнет. Её можно было загнать глубже, спрятать, но избавиться от неё окончательно? Вряд ли.

Он наконец уснул. Сон пришёл медленно, как непрошеный гость, который долго стоит у двери, прежде чем войти. Комната осталась всё такой же мрачной, залитой ленивыми бликами телевизора. Ситком всё

ещё играл, голоса звучали искусственно, но его сознание уже унеслось куда-то далеко, вглубь. Туда, где тьма и кошмары смешиваются, как грязная вода в сточной канаве.

ГЛАВА 3.

— Мерсер, да у тебя талант, — заметила Лоис Финч с той смесью нежности и насмешки, которая подчеркивала её дерзкий нрав. Она обводила пулевые отверстия на мишени маркером, словно подписывала картину в галерее. Её глаза блестели, как у хищника, чья добыча забилась в капкан. — Все семь пуль в цель. Шестьдесят семь очков из семидесяти. Ну, признавайся, ты что, родился с пистолетом в руках?

— Ничего особенного, — бросил Мерсер, стараясь скрыть раздражение за маской спокойствия. — Нужно просто знать, когда нажимать на спусковой крючок.

— Вот почему у нас столько дыр в полу и потолке после стрельб других сотрудников, — усмехнулась она, наклоняясь чуть ближе, так, что её дыхание коснулось его щеки. Она явно пыталась вытянуть из него хоть крошку эмоций. — А ты посмотри на это! — Лоис кивнула на экран телевизора, где транслировалась картинка с другой мишени. — Кто-то умудрился пробить дырку даже в нём! Я серьёзно, где их только находят?

Мерсер скользнул взглядом по экрану, затем перевёл его на остальных сотрудников, которые топтались на огневом рубеже, как дети в тире на ярмарке. Распахнутые пиджаки, перекошенные галстуки, дрожащие руки. Некоторые с трудом удерживали

пистолеты, словно это были не тренировочные «Глоки», а куски раскалённого железа.

— За умеренную плату могу провести индивидуальные занятия для каждого, — с сарказмом произнёс он, уперев руку в бок.

Толпа выглядела абсолютно несерьёзно, будто собралась на экскурсию, а не на обязательный тест по стрельбе. И среди всей этой неразберихи стояла она — Эдвардс.

Она держала пистолет так небрежно, словно это была очередная игрушка в её богатой коллекции власти и манипуляций. Держа оружие одной рукой, со слегка кокетливой улыбкой, она не стреляла — позировала. Любой другой сотрудник, выкинь он подобный трюк, уже

бы услышал пару громких замечаний и лишился премии. Но только не она. Нет, с ней всегда было иначе.

Инструктор, который обычно срывал голос, чтобы заставить остальных держать дистанцию и соблюдать технику безопасности, теперь стоял рядом с Эдвардс. Его лицо растянулось в натужную ухмылку, а изо рта неслись сальные шуточки, которые с лёгкостью пересекали границы профессиональной этики. Этот человек, некогда воплощение дисциплины, теперь напоминал послушного песика, ластящегося к хозяйке. Мерсер невольно скрипнул зубами.

Эта сцена словно обожгла его изнутри. Она была ярким воплощением всего, что было не так в его жизни, его работе. Интриги и симпатии, власть, опутанная липкой паутиной пустых привилегий.

Мерсер отвёл взгляд, сосредоточившись на своих мыслях. Он никогда не считал себя прирождённым стрелком. Ещё на первых курсах подготовки его выстрелы уходили куда угодно, но только не в мишень. Он помнил, как стоял на стрельбище, окутанный запахом пороха, пока инструктор хмурил брови и тяжело вздыхал.

Но однажды всё изменилось. Старик с прокуренными лёгкими и голосом, хрипящим, как древний патефон, подошёл к нему на стрельбище. Это был ветеран войны — со шрамами на лице и глазами, в которых застыл ужас прошлых боёв. Этот человек, прошедший ад и вернувшийся, чтобы делиться своим горьким опытом, сказал ему одну вещь, которая отпечаталась в его памяти навсегда:

— Выстрел должен быть неожиданным даже для тебя самого. Полу выдох. Плавный спуск. Всё остальное сделает твоё тело.

Эти слова стали для Мерсера прозрением. Он начал смотреть на стрельбу иначе — не как на упражнение, а как на искусство. Искусство молчания и терпения.

С тех пор он всегда стрелял с одной руки, чуть развернув корпус. Его стиль выглядел странно, чуждо, но это работало. В отличие от коллег, которые палили очередями, как голливудские герои — двумя руками, выбрасывая весь магазин за несколько секунд. Мерсер действовал иначе. Для него каждая пуля была, как молчаливая молитва.

Они стреляли, чтобы чувствовать себя сильными, он — чтобы остаться собой.

Лоис, между тем, закончила обводить мишень, отступила на шаг назад и обернулась к нему, слегка приподняв бровь.

— Ну, что скажешь, стрелок?

Мерсер слегка пожал плечами, убирая оружие в кобуру.

— Скажу, что я не из тех, кто палит в потолок.

— А жаль. — Лоис рассмеялась, но в её взгляде промелькнуло нечто более глубокое. Как будто за этой лёгкой шуткой она пыталась понять, что именно скрывается за его бесстрастной маской.

Когда он вернулся к огневому рубежу, Эдвардс уже заметила его. Её глаза блеснули ледяным остриём, таким же острым, как её привычный тон. Она махнула рукой, словно подзывая верного пса, и улыбнулась так, будто только что выиграла битву, о которой он даже не подозревал.

— Даниэль, не убегай после обеда, — её голос звучал как скрип незаточенного ножа по пенопласту: пронзительный, раздражающий, оставляющий в ушах тонкую невидимую трещину. Это был тот звук, от которого хочется зажать уши руками, но вместо этого он только сильнее стиснул челюсти. На долю секунды ему показалось, что она слышит, как скрипят его зубы. — Нужно обсудить один рабочий вопрос.

Каждое её слово заставляло мозг рисовать совершенно ненужные картины. Муж Эдвардс. Этот мифический мужчина, о котором никто из сотрудников тюрьмы толком ничего не знал. Бедолага. Каким бы он ни был, он заслуживал памятника при жизни за то, что выдерживал её изо дня в день. Представьте: вы открываете утром глаза, и первым, что вы видите, это её лицо — не накрашенное, бледное, с прожилками сосудов на переносице. А потом этот голос, который приветствует вас холодным, почти мертвым: «С добрым утром, дорогой». Голос, который можно было бы использовать как оружие, чтобы ломать чужую волю. Он улыбнулся про себя. Муж Эдвардс — вероятно, единственный человек на земле, кто выдерживает пытки ежедневно и по собственному выбору. Если он, конечно, вообще существовал.

— Хорошо, мисс Эдвардс. Вы будете у себя? — спросил он, вкладывая в свой тон всю возможную профессиональность, чтобы не выдать внутреннюю злость.

— Коне-е-е-ечно, — протянула она с ядовитой растяжкой, её неприятная усмешка только усилила эффект. Голос стал ещё более режущим, как будто она специально подбирала частоты, которые были невыносимы. — Не задерживайся.

Её слова повисли в воздухе, а он бросил взгляд на часы. 12:13. До обеда оставалось около часа. Время тянулось, словно густой сироп, а Эдвардс уже начинала разыгрывать свою новую игру. Какую — он не знал, но её намерение отравить ему день было очевидным, как красный маяк посреди ночи.

Он оглянулся на остальных сотрудников, которые всё ещё держались за оружие так, будто впервые видели его в руках. Дрожащие пальцы, неуверенные взгляды. Если бы это не было так грустно, он, возможно, усмехнулся бы.

Мерсер стиснул ремень своей сумки и направился прочь. Архив. Если уж время тянется как патока, то лучше потратить его на что-то полезное.

Архивы тюрьмы были одновременно местом заточения и убежищем. Нечто вроде собственного уголка в аду. Личные дела заключённых — страницы, испещрённые мелким текстом и отвратительными деталями. Для большинства людей это был просто бумажный хлам: скучные факты, разбавленные официальным языком. Но для Мерсера это был целый мир. Каждый файл был наполнен голосами, искаженными криками, кровью, запёкшейся на полу, лицами — покорёженными, как разбитые зеркала.

Он видел за строками не просто текст. Он видел истории. Превращение людей в чудовищ: шаг за шагом, день за днём. Эти документы были чем-то большим, чем просто свидетельством преступлений. Это были мозаики из страха, ненависти и боли, где каждая деталь — кусок души, который кто-то вырвал из другого человека.

Каждое дело вытягивало из него остатки человечности, будто капельница с пустым пакетом. Это была его работа. Сотни страниц, каждая из которых весила на него, как бетонная плита, привязанная к ногам. Но, странным образом, в этой работе была и сила. В этих отвратительных страницах он находил нечто, что заставляло его

двигаться вперёд. Как будто он смотрел в бездну и черпал из неё что-то для себя.

Мерсер направился к архиву с решимостью, которая граничила с обречённостью. Новый файл, новая история. И, возможно, ещё один шаг к тому, чтобы перестать бояться смотреть в зеркало.

Он открыл папку с делом Ричарда Ханнегана, серийного убийцы, приговорённого к высшей мере. Как и всегда, детали преступлений Ханнегана пробирали до костей: каждый убийца оставлял свой след, но этот был особенно изощрённым. Мерсер перечитывал страницы, уже знакомые до мельчайших подробностей, как будто снова и снова изучал шахматную партию, пытаясь просчитать возможные ходы наперёд. Его пальцы ощущали знакомые шероховатости пластиковых папок, а запах бумаги приносил ощущение утешения в этом месте, где хаос правит каждым шагом.

Эдвардс и её мелочные пакости временно ушли на второй план. В этих делах, в каждом извращённом преступлении, он видел слабые места, ошибки, которые совершили эти люди, позволившие их поймать. Он использовал это как оружие против себя, чтобы не стать таким же. Но чем дольше он читал, тем яснее осознавал, что граница между ним и ими всё больше стиралась.

«Как далеко я могу зайти?» — вопрос, который Мерсер задавал себе уже не впервые, снова возник в его голове, когда он всматривался в страницу с фотографиями доказательств. Раньше такие мысли казались абсурдными, но теперь, под давлением Эдвардс, при мысли о том, что она выживает его с работы, они всё чаще мелькали, как запретные искушения.

«Слишком далеко», — сам себе ответил он и захлопнул папку, но чувство тревоги никуда не делось.

За его спиной тихо подошла Лоис. Её лёгкая походка не выдавала присутствия, но как только она оказалась рядом, он сразу её заметил. Её глаза, сверкающие ещё недавно на стрельбище, сейчас смотрели на него с непонятным интересом.

— Что, опять погружаешься во мрак, Даниэль? — мягко спросила она, присаживаясь рядом. Её голос был на удивление спокойным, почти сочувствующим.

— Это моя работа, Лоис, — ответил он, стараясь не показать, что её присутствие раздражало его. — Просто делаю своё дело.

— Знаю, что это не только работа. — сказала она, кивая на папку, как будто знала, что внутри.

Он ничего не ответил, лишь кивнул, зная, что никакие слова не смогут передать, что на самом деле творилось у него в голове. Лоис была одной из немногих, кто искренне заботился, но даже ей он не мог открыться полностью. Слишком много уже прошло в его жизни, чтобы просто так отпустить всё и поделиться.

Не получив толкового ответа Лоис встала, пожала плечами и направилась на выход. Дождавшись, когда звук каблуков скроется за тяжёлой дверью архива Даниэль снова открыл папку Ханнегана.

Осуждённый: *Ричард Ханнеган. 52 года. Вольнонаёмный рабочий в строительной компании «Морган и партнёры».*

Предыдущие судимости: *незаконное проникновение в жилище, кража.*

За что осуждён: *убийство бывшей жены (Анджелы Симонс), бывшей тёщи (Сэдди Уильямс), попытку убийства ребёнка (Дерек Симонс), попытку поджога обще опасным способом.*

Краткое содержание преступления: *пришёл домой к бывшей супруге, которая проживала совместно со своей матерью и ребёнком в попытке взять денег взаймы. На отказ начал вести себя агрессивно, завязалась словесная перепалка, в ходе которой подсудимый взял со стола кухонный нож, нанёс бывшей супруге три удара в область сердца. На крики подоспела её мать, которая попыталась оказать Ханнеган сопротивление, однако получила удар ножом в шею, лезвие которого сломалось и осталось в теле погибшей. В поиске денежных средств в жилище мистер Ханнеган наткнулся на спрятавшегося шестилетнего ребёнка. Преследуя целью избавление от свидетелей, он взял декоративную статуэтку с письменного стола и нанёс ребёнку три удара по голове.*

Не найдя в дома ни денег, ни драгоценностей, мистер Ханнеган решил скрыть улики, путём поджога жилища. Для этого он закрыл все окна, оставил на столе в гостиной зажжённую свечу и включил газ на кухне. При выходе из жилища он намеренно запер дверь и заблокировал замочную скважину затолкав в неё несколько спичек.

Волей случая через несколько минут после случившегося домой вернулся нынешний супруг, мистер Симонс, который не смог попасть домой из-за заблокированной замочной скважины. Он обратился к соседям за пинцетом и удалил спички из замка. Почувствовав запах газа, он сразу же направился на кухню, где и обнаружил тела убитых Анджелы Симонс и Сэдди Уильямс. Набрав 911, мистер Симонс стал открывать окна, чтобы проветрить помещение. Тогда же он и обнаружил тело сына, который всё ещё подавал признаки жизни. Именно он в дальнейшем и смог опознать нападавшего.

Отношение осуждённого к преступлению: *вину признал полностью, в содеянном раскаялся.*

Приговор суда: *смертная казнь путём инъекции.*

Мерсер вчитывался в каждое слово, размышляя о том, как бы он себя повёл в подобных обстоятельствах. Всё это было знакомо, он сам ежедневно встречал людей, потерявших способность различать добро и зло, но, похоже, именно сейчас, после ссоры с девушкой, что-то внутри него начало рушиться. Он чувствовал, как его границы размываются, как его собственные демоны начинают угрожать вырваться на свободу.

Мерсер закрыл личное дело *Ханнегана* с ощущением тяжести, будто под пальцами был не обычный бумажный файл, а окаменевший кусок души этого урода. Он провёл ладонью по волосам, словно пытаясь сбросить липкий осадок от только что прочитанного. Ханнеган — очередной монстр с человеческим лицом, загнанный в клетку, ожидающий своей встречи с Сатаной в одиночной камере. Пять лет, именно столько он уже находится в этом учреждении — целая вечность для смертника. Время превращается в вязкую тьму, пожирающую разум. Но Мерсеру было плевать на страдания этих тварей. Они заслужили каждый мучительный день, каждый вечер без надежды.

Этот ублюдок, с его дешёвым раскаянием, думал, что всё просчитал. Убийство бывшей жены и тёщи, попытка добить собственного ребёнка, а затем и поджог — Ханнеган явно стремился стереть все следы, как вычищают мусор в переулке. Но он не учёл одного: волю случая Мистер Симонс вернулся домой слишком рано, вовремя, чтобы разобрать заваленную спичками замочную скважину,

и слишком поздно, чтобы спасти жену. Чудом уцелевший ребёнок — вот что погубило убийцу. Ханнеган не мог знать, что мальчик выживет, что шестилетний ребёнок будет тем самым слабым звеном, которое разрушит его план.

«Чёртов придурок», — Мерсер почувствовал странное удовлетворение. Он не раздумывал о морали. Те, кто попадал в его поле зрения, уже пересекли черту, после которой не было пути назад. Они — лишь имена в папках, персонажи ужасающих сюжетов, от которых стынет кровь. Но они тоже люди, даже если сейчас это забыто всеми. Каждый из них когда-то жил обычной жизнью, любил, ненавидел, чувствовал... как и все остальные.

Мерсер знал, что на этой неделе ему придётся поговорить с Ханнеганом. Ещё один визит в камеру смертников, ещё один взгляд в глаза, где когда-то были душа и надежда. Он ненавидел такие встречи, но его любопытство всегда брало верх. Каждый из них был загадкой, мёртвым на полпути, и каждый скрывал в себе что-то такое, что Мерсеру хотелось понять, даже если он этого не осознавал.

Сидя на стуле и смотря в потолок, Мерсер в который раз задумался о том, почему эта работа тянула его как магнит. Может быть, ему нравилось ощущение власти над жизнью этих заключённых? Или это было что-то глубже, темнее? Каждое личное дело он воспринимал как предупреждение, как урок того, куда могут завести человеческие слабости, ошибки и мрак души. Он считал, что способен держать это под контролем, но с каждым днём убеждался в обратном. Все эти дела — они не просто рассказы о чужих жизнях. Они стали частью его, превращая в того, кем он никогда не хотел быть.

Он устало выпрямился, бросив последний взгляд на стопку дел перед собой. Следующей была Джоанн Скотт, женщина, убившая своего младенца, чтобы не делить его с мужем при разводе. Она хоть ещё дышала в блоке смертников, но уже была мертва для всех.

Он потянулся за папкой, но вдруг почувствовал странное напряжение в воздухе. Кто-то стоял за его спиной. Мерсер медленно повернулся. Эдвардс. Она стояла с полуулыбкой, скрестив руки на груди, как будто наблюдала за какой-то забавной сценкой.

— Даниэль, ты забыл о нашем разговоре, — произнесла она тоном, от которого его обычно передёргивало.

— Нет, не забыл, — спокойно ответил он, хотя в душе что-то уже начало кипеть. — Просто хотел закончить с этими делами.

Эдвардс прищурила глаза, будто пытаясь заглянуть ему в душу. Она всегда делала так, как будто пыталась поймать его на чём-то.

— Надеюсь, ты не забываешь, кто тут твой начальник, — с лёгкой усмешкой произнесла она, разворачиваясь на каблуках. — Жду тебя через десять минут в кабинете.

Мерсер смотрел ей вслед, чувствуя, как напряжение нарастает внутри, как удушающая волна. Эта женщина заставляла его думать о вещах, о которых он не должен был думать. Она была той силой, что толкала его всё дальше к краю.

— Держи, Марк, можешь забрать личное дело этой мрази, — Мерсер положил тяжёлую пачку бумаги на стойку, чувствуя, как напряжение начинает отпускать.

Из-за стеллажа раздался привычный хрипловатый голос Марка Гаррисона, который откликнулся с неизменным сарказмом:

— О да, по-другому это животное и язык не поворачивается назвать.

Гаррисон, ворчливый хранитель архива, за свои 25 лет работы в тюрьме успел прочитать больше личных дел, чем могло вместить даже его воображение. Он знал каждого осуждённого, словно наизусть, и в его ворчливых словах слышалась усталость человека, который слишком часто сталкивался с тёмной стороной человеческой природы. В деле Ханнегана не было ничего нового — такие истории были сплошь и рядом. Наркоманы, воры, угонщики, насильники — тюрьма всегда была полна таких типов. Но смерть всегда выделяла преступника, делала его чем-то большим. Личное дело смертника превращалось в чёрный билет, и этот закрытый металлический стеллаж с делами приговорённых был местом, куда хотели заглянуть многие, но доступ туда был лишь у избранных.

Мерсер был одним из них. Он имел карт-бланш на ознакомление с этими грязными страницами, и пусть это отравляло его душу, отказаться он не мог.

ГЛАВА 4.

— Мерсер! Нужно завести адвоката к Герцогине! — голос Эдвардс, словно ржавый гвоздь по стеклу, просверлил тишину в рации, оторвав Даниэля от едва начатой трапезы.

Он только-только уселся, расстегнул ворот рубашки и налил себе крепкого кофе, достаточно крепкого, чтобы растворить в нём не только сон, но и остатки человечности. Чёрт бы побрал её! Вот ведь всегда умудряется поймать момент, чтобы испортить остатки дня.

«Ну почему именно сейчас? Почему именно я? Да ладно, знаю, почему. Эта змея принципиально издевается надо мной. Стерва с большой буквы «С».»

— Как срочно, мисс Эдвардс? — голос его звучал ровно, без малейших эмоций, почти механически. Только так и можно было с ней говорить, иначе тебя сожрут заживо.

— Вчера! Он уже полчаса ждёт у входа в тюрьму. Двигай! — её тон был таким, будто она собственноручно написала правила для жизни этого места и приклеила сверху на крышку инструкции для вечности.

«Конечно, только выловил минуту на кофе, а она тут как тут. У самой небось перерыв: чай с печеньем в обнимку с начальником тюрьмы, остроты на уровне дешёвых анекдотов. Ты же прекрасно знаешь, что у нас обед! Сучка...»

Но думать об этом дальше не имело смысла. Если у тебя есть хоть крупица здравомыслия, ты выполняешь приказ Эдвардс. Потому что, если не выполнить, она не отстанет. Никогда.

— Мисс Эдвардс, а его кто-нибудь досматривал? — спросил он, пытаясь накинуть себе пару минут, чтобы доесть хотя бы этот чёртов батончик.

— Досматривал? Это же адвокат! Кто его будет досматривать? Он что, в трусах к Герцогине пойдёт? — её писклявый голос исказил динамик, заставляя Мерсера на мгновение отодвинуть рацию.

— Просто у меня есть информация, что он носит…

— Что? Да ну ла-а-а-адно! — она так протянула слово, что Мерсеру на секунду захотелось швырнуть рацию в стену. — Ладно, сейчас отправлю кого-нибудь, чтобы полапали старика за дряблые яички. Доволен?

Он не удержался от улыбки, которая скорее походила на судорогу. Успех. У него есть пять, может быть, десять минут. Этого хватит, чтобы спокойно допить кофе, глотками, а не залпом, и закончить свой протеиновый батончик.

Нет, Мерсер не сидел по ночам в спортзале, чтобы превратиться в человека-гору вроде Клиффорда. Просто батончик экономил время. Слишком часто обедать нормально не получалось — не с её-то постоянным стрекотанием в рацию. Да и к чему лишняя трата времени? Лучше потратить эти лишние полчаса на личное дело очередного психопата, который через пару недель отправится на свидание с хмурым паромщиком в царстве мёртвых.

Мерсер взглянул на толстую папку, что валялась на краю стола. Имя заключённого, написанное красным фломастером, было размашистым и слишком вычурным для официального документа. Впрочем, кого это волнует? У них тут своя эстетика.

Отпив ещё глоток кофе, он подумал о том, что Герцогиня, наверное, уже сидит на своём месте, скрестив руки, и смотрит на всех с таким видом, будто ему не место здесь, среди грязных стен и кислых лиц. Ему бы на трон, в залитый светом зал. Вот только трон — это электрический стул. И ждать его осталось не так уж долго.

Расслабленное потягивание кофе продолжалось ровно десять минут, как по таймеру. После чего в рации раздался уже знакомый голос:

— Мерсер! Бегом на КПП, у нас похоже всё срослось! – такой довольной интонации в её голосе Мерсер не слышал уже давно.

«Да будь ты проклята, чумная сука! – он громко ударил кружкой по столу, из-за чего остатки кофе расплескались по столешнице, часть даже попала на руку и форму, – *Никакого спокойствия с тобой не будет!»*

— Принял, выдвигаюсь!

Мерсер вытер ладонью разлитый кофе и бросил быстрый взгляд на своё отражение в экране телефона, что лежал на столе. Сломленный человек с пустыми глазами глядел на него в ответ. Это был не он — не тот Даниэль Мерсер, который пришёл в Грин-Ривер с чувством долга и ответственности. Этот Мерсер был на грани. Он глубоко вздохнул, пытаясь унять нарастающее раздражение. Плевать на Эдвардс, на её

противный голос и глупые приказы. Плевать на то, что его снова выдёргивают в самый неподходящий момент.

Поднявшись со стула, он бросил взгляд на пустую кружку, лежащий батончик и холодный кофе, расплескавшийся по столу. В голове мелькнула мысль, что не пить этот чёртов кофе — тоже своего рода свобода. Пусть и маленькая, но свобода. Свобода от бесконечных приказов, от этого издевательства, от постоянного ощущения, что он — лишь маленький винтик в огромной машине.

Он двинулся к выходу, быстрыми шагами преодолевая длинные коридоры тюрьмы, чувствуя, как напряжение нарастает с каждым шагом. Адвокат для Герцогини… Похоже, опять какая-то бессмысленная формальность. Герцогиня, осуждённый на пожизненный срок, почти потерял связь с реальностью и продолжала жить в каком-то собственном мире, где адвокаты и законы уже не имели значения.

Мерсер знал его дело: несколько убийств в короткий промежуток времени, без каких-либо хитроумных схем. Да что там, он даже умудрился забить одного бедолагу деревянным крестом прямо на кладбище. Он был опасным игроком, даже находясь за решёткой. В отличие от большинства заключённых, Герцогиня не вызывал у Мерсера презрения. Напротив, он его даже… восхищала своей холодной расчётливостью. Возможно, он и был настоящим хищником, но всё же казался куда умнее тех, с кем ему приходилось иметь дело.

При входе на контрольно-пропускном пункте Мерсер увидел следующую картину: на столе перед стариком с усталым, но всё ещё живым взглядом, стоящим с застёгнутыми за спиной наручниками, лежали несколько старых кнопочных телефонов. Возле них — разобранные зарядные устройства, внутри которых что-то нелепое, вроде серо-коричневой массы, больше напоминающей пластилин, который явно не был предусмотрен производителем. Вокруг всего этого цирка стояли пятеро сотрудников. Каждый молча взвешивал происходящее, погружённый в свои мысли.

— Старый, ты вообще серьёзно? О чём думал? — Клиффорд смотрел на задержанного с выражением, словно этот адвокат был

очередным безумным злодеем из последней сцены фильма «Марвел», который вдруг решил выскочить после титров и устроить новый абсурд.

— Я буду говорить только в присутствии своего адвоката, — промямлил старик, сникая взглядом в хаос на столе. Несколько минут назад весь этот компромат находился в его портфеле.

— Из твоих уст это особенно иронично звучит, — Мерсер ухмыльнулся с явным злорадством. — Адвокат, который просит адвоката…

— Я повторяю, я буду говорить…

— Ой, да заткнись уже, старый. Мы поняли, — прервал его на полуслове Тимоти Лэвис. Этот человек управлял оперативной обстановкой в тюрьме с точностью хищника, следящего за каждым движением жертвы. Пресекать запрещённые предметы? Скорее, контролировать. Лэвис прекрасно знал, кто и что проносит через тюремные ворота: каждый телефон, заточка и, уж тем более, пачка дрожжей проходили мимо его зоркого взгляда. Но тут он был явно ошарашен — ни о каком подобном заносе он не знал. Его глаза, полные недовольства и удивления, выдавали это с головой.

— Двадцать телефонов, десять зарядных устройств, и каждое «заряжено» гашишем, — произнёс он, в голосе раздалось неприкрытое презрение. — Старик, это залёт! Ты можешь уже смело подыскивать себе камеру на ближайшие несколько лет.

На лице адвоката проступала смесь высокомерного равнодушия и подавленной паники. Весь его вид говорил о том, что он всё понимает, но не знает, как выкрутиться из этого тупика. Смертельная обречённость уже медленно наползала на него.

— Клифф, отведи эту престарелую обезьяну в мой кабинет, — с холодной неприязнью бросил Лэвис, внимательно разглядывая внутренности зарядок, как патологоанатом, вскрывающий тело после неудачной операции.

— Есть, сэр, — Клиффорд выдавил ответ, который звучал с явным недовольством. Его вновь назвали этим уничижительным «Клиффом», и каждый раз это звучало, как плевок в лицо. Он взял старика за локоть

и не спеша повёл его в сторону главного здания, где находились кабинеты начальства.

— Мерсер, — Лэвис всё ещё не отрывался от телефонов, но в его голосе уже слышалось что-то, похожее на растущее раздражение.

— Да, сэр? — Мерсер понял, что следующий разговор будет касаться его.

— Ты тоже потом зайди ко мне. У меня есть к тебе пара вопросов.

— Хорошо, сэр. Когда?

— Перед тем, как будешь собираться домой.

— Понял. Я могу идти?

— Иди… пока что... — в голосе Лэвиса всё явственнее слышалась злобная нотка. Он явно не был доволен тем, что какой-то профан, а не он, оказался связан с перекрытием столь крупного канала контрабанды.

Мерсер, стараясь не выказывать своего недовольства, кивнул и развернулся, чтобы выйти из коридора КПП. В голове всё ещё звучали слова Лэвиса, и он прекрасно понимал, что дело не ограничится простыми вопросами. Когда Лэвис говорит «пара вопросов», это всегда означает долгие выяснения обстоятельств, от которых, по сути, мало что зависит. Стараясь не зацикливаться на этом, Даниэль быстрым шагом направился обратно в сторону КПП, пытаясь собрать свои мысли.

Контрабанда телефонов с гашишем — это уже не банальное нарушение правил. Это серьёзная проблема, которая не просто тревожит начальство, а создаёт массу новых рисков. Кто ещё мог быть замешан? Откуда такая уверенность у старого адвоката, что он сможет пронести это всё мимо охраны? Кто ему помогал? Такие вопросы немедленно роились в голове Мерсера, но он понимал, что ответы, скорее всего, будут далеки от очевидных.

Подходя к своему кабинету, он мельком взглянул на часы. Время уже поджимало, а впереди был ещё день, полный рутинных задач, встреч и обязанностей, которые безразлично давили на его плечи. Мысли возвращались к тому, как Эдвардс без зазрения совести могла сорвать его обед. Он почувствовал, как глухое раздражение снова поднимается внутри. Не успеешь передохнуть, как снова окажешься в гуще чужих проблем.

Пока Мерсер шёл обратно в свой кабинет, он прокручивал произошедшее в голове. Это насколько же нужно быть везунчиком, чтобы звёзды сложились настолько удачным образом: ляпнуть первое, что пришло в голову, попасть в точку, указать на недостатки в работе других, оказаться молодцом и откреститься от ненужной волокиты. Шанс явно один на тысячу, если не на миллион. Само собой, подобные мысли не могли не заставить его улыбаться, но Мерсер старался сохранять максимально серьёзный и непринуждённый вид. Собственно, как он это всегда и делал.

Вообще, не смотря на всю свою открытость и позитивный настрой, за Мерсером плотно закрепился образ этакого серьёзного и в то же время вечно недовольного человека, который за словом карман не полезет. Но это только на работе и только с теми, кого он старался держать на расстоянии. А это практически все сотрудники их исправительного учреждения, потому что с самого детства он жил с осознанием того, что открытость и искренность рано или поздно сможет его обезоружить. Служба службой – дружба дружбой, ни шага в сторону. Даже Клиффорд, несмотря на то, сколько лет они проработали вместе, не знал Мерсера настоящим, пусть они и собирались время от времени где-нибудь в баре в свободное от работы время. Но случалось это не так часто, как могло бы быть.

А ведь в детстве он был тем ещё сорвиголовой. Лазанье по заброшенным домам, покупка алкоголя по поддельному водительскому удостоверению, езда на старом дедовском Форде без документов – всё это выглядело по-детски наивным и безобидным, пусть и приносило определённую дозу адреналина в жизнь парнишки, который большую часть свободного времени проводил за чтением книг и просмотром различных фильмов.

На фоне произошедшего в голове Мерсера почему-то сразу возник момент из подросткового возраста, когда он с компанией друзей решил выбраться на машине за пределы своего района. Уму непостижимо, что было в головах подростков, которые ни с того ни с сего решили: «А почему бы нам вдруг не выехать и не покататься в самый центр город без прав и документов». И как бы да, они привыкли к тому, что в тот криминогенный район на самом отшибе города, где

всё своё детство прожил Мерсер, полиция заезжала крайне редко, да и то лишь в самых экстренных случаях. Но самый центр города… Так себе авантюра.

Однако уже тогда Мерсеру было не занимать смекалки. Он прекрасно понимал, что целая машина подростков по-любому может вызвать подозрение и интерес у представителей правоохранительных органов. Но азарт и желание показаться реально крутым перцем в глазах сверстников брали вверх. Поэтому, естественно, нужно было придумать отвлекающий манёвр.

На удивление мысль пришла в голову практически сразу же – воздушные шарики. Замаскировать машину под свадебный кортеж, что может быть гениальнее? Плюс ко всему, старенький Форд, на котором ездил дедушка Мерсера выглядел довольно презентабельно для подобного мероприятия. Сказано – сделано, уже буквально через 20 минут машина была украшена различными ленточками, шариками и побрякушками и вальяжно курсировала по центральной улице города с целой оравой распивающей пиво ребятни. Продолжалась подобная вакханалия вплоть до самого позднего вечера.

Обратный путь на район лежал через железнодорожный переезд, который отличался двумя особенностями. Во-первых, он был практически всегда закрыт, из-за чего по обе его стороны постоянно образовывались километровые пробки. А во-вторых – это было излюбленное место для выставления поста полицейских, которые то и дело останавливали проезжающие машины для досмотра. Ещё бы, ведь в каждой второй машине можно было найти как минимум незарегистрированное оружие, а как максимум – неплохую партию запрещённых веществ, от разнообразия которых у любого торчка был бы стояк, способный порвать джинсы. И если днём при выезде в город путь был свободен, то вот на обратном пути Мерсер, как и вся толпа пьяных подростков внутри машины, встав на светофоре, уже издалека заметили полицейский Шевроле, рядом с которым мирно стояла парочка в чёрной форме, кому эта машина явно и принадлежала. При этом было видно, как один из них что-то сказал второму и кивнул головой в сторону парадно разодетого Форда. Градус веселья внутри машины заметно поубавился.

Несмотря на всю внешнюю хладнокровность Мерсер чувствовал, как капля пота стекает по его виску. Он уже отчётливо представил дальнейшее развитие событий, но всё-таки убавил громкость на магнитоле, максимально непринуждённо воткнул первую передачу и поехал навстречу неизбежности. Чёрт возьми, да отец же его наизнанку вывернет, если их сейчас остановят, и родные узнают, какую заварушку он решил учудить. В машине буквально никто не дышал.

Форд поравнялся с полицейскими. Сердце Мерсера колотилось как бешеное. Один из людей в форме приспускает очки, смотрит на водителя, и они пересекаются взглядами. *«Всё, мне точно конец.»* – промелькнула мысль в голове юного энтузиаста. И только Богу известно, что с подвигло Мерсера кивнуть ему головой. *«Придурок, какого хрена ты вытворяешь?»* – единственная мысль, возникшая в тот момент в его голове.

И, чёрт возьми, кто бы мог подумать, что в ответ полицейский улыбнётся, тоже кивнёт головой и просто отвернётся обратно к коллеге, давая парням проехать дальше. Казалось, что в тот момент выдохнули не только все сидящие в ней, но и сам старенький Форд.

— Вот это ты кремень, Даниэль, – хлопнул его по плечу один из сидящих сзади друзей, – Я бы на твоём месте уже давно обмочился от страха. А ну-ка привстань, сиденье точно сухое? А-ха-ха!

«И что, это всё? Серьёзно?» – даже как-то обиженно предъявил Мерсер сам себе, – *«Я был готов к любому исходу событий, но явно не к такому»*. И он резко нажал на тормоз. Покрышки взвизгнули, и машина встала как вкопанная буквально в десяти метрах от полицейских.

— Эй, какого чёрта ты вытворяешь? – послышалось недовольство с заднего ряда, – Поехали быстрее, не дёргай судьбу за яйца.

— А я хочу, – и Мерсер воткнул заднюю передачу.

Машина снова наполнилась мертвецкой тишиной. Пассажиры в полном недоумении переглянулись, но что-либо сказать, почему-то не решился никто.

Вновь поравнявшись с полицейскими Мерсер опустил окно:

— Добрый вечер, офицер!

— Да, чем могу помочь, – на удивление тепло и позитивно откликнулся тот самый, кивнувший ему полицейский.

— Извините, вы случайно не видели, свадебный кортеж моего кузена поехал прямо? А то мы с гостями немного задержались на заправке и отстали от них.

— Прости, дружище, мы сами приехали сюда буквально пару минут назад. Ничем не могу помочь.

— Да? Тогда прошу прощения. Хорошего вечера, офицер, – Мерсер переключил селектор на первую передачу и снова поехал прямо.

Молчание в машине продолжалось ровно до тех пор, пока полицейский автомобиль окончательно не пропал в зеркале заднего вида. И только после этого с заднего ряда раздался адский хохот.

— Отморозок! Я думал сейчас обосрусь от страха!

— Не, ну ты реально ненормальный! Ты вообще в своём уме, вытворять такое?!

— Ну, зато теперь у нас отличная история для вечеринок! Эй, Мерсер, что скажешь?

Но Мерсер не отвечал. Он просто ехидно улыбался, понимая, насколько чётко и грамотно, а главное – абсолютно спонтанно, он всё провернул уже второй раз за день. Это явно талант - придумывать подобное на ходу. Может когда-нибудь в будущем это ещё и пригодится ему. Всё может быть…

Но только сейчас, уже будучи довольно зрелым, он понимал, что тогда это был крайне рискованный поступок, который мог привести к серьезным последствиям.

ГЛАВА 5.

Мерсер, открыв дверь своего кабинета, тихо усмехнулся воспоминаниям. Тогда, в юности, рисковать казалось забавой, игрой с огнём. Сейчас же вся жизнь была полна такого огня, но он больше не приносил радости. Не было никакого азарта в том, чтобы переживать каждый рабочий день, словно балансируя на тонкой грани, готовой лопнуть в любой момент. Воспоминания о подростковых безумствах вызывали некий контраст с нынешней реальностью: тогда это был выбор — выбор, который можно было контролировать. Теперь же он

всё чаще чувствовал себя пешкой в чьей-то игре, в которой ему отводили роль безмолвного исполнителя.

Мерсер бросил взгляд на экран компьютера — ещё несколько документов по делам заключённых требовали внимания. В тишине кабинета звук вентиляторов в системном блоке стал почти успокаивающим, но Мерсер знал, что через несколько минут снова затрещит рация, и его потащат в очередное место разборок, как марионетку. А потом ещё и встреча с Лэвисом — то ли допрос, то ли просто желание выбить из него подробности. Как будто это что-то изменит.

Он сел за стол и глубоко вздохнул. Сейчас ему нужно было время, чтобы привести мысли в порядок. Воспоминания о юности, хотя и были далекими, странным образом напомнили ему, что даже в самых непредсказуемых ситуациях он находил выход. Может быть, и сейчас можно как-то вывернуться? Или это просто иллюзия контроля, созданная тогдашними наивными мечтами?

Он снова улыбнулся. В любом случае, план всегда есть. Даже если не виден с первого взгляда.

Кроме жужжащего компьютера в кабинете Мерсера ждала ещё наполовину пустая кружка с остывшим кофе. Ну и ладно, не привыкать. Достав из кармана такую же полупустую пачку сигарет, он достал одну, щёлкнул зажигалкой, сел в кресло и закурил. И наплевать на то, что руководство было крайне негативно настроено к курению в служебных помещениях, в ближайшие несколько часов все явно будут заняты только адвокатом и тем караваном, который он пытался затянуть в тюрьму. Ха! Старый верблюд. Неужели он и правда был уверен, что сможет так просто и безнаказанно пронести такую партию внутрь? Как он вообще умудрился доработать до седых волос с такими взглядами на жизнь? Сказочный придурок.

С другой стороны – чёрт бы с ним, теперь им занимаются другие люди, и Мерсера уже абсолютно не должна волновать его дальнейшая судьба. Особенно с учётом того, что хлопнуть его получилось абсолютно спонтанно. Буквально – выстрел в пустоту и ровно в десятку. Практически как в тире.